

УДК 141.3

DOI: 10.17223/1998863X/63/5

С.В. Тихонова, Д.С. Артамонов

СТРАННОЕ ВРЕМЯ В ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ОНТОЛОГИИ: ХАРМАН И ЛАТУР

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «Мифологизация времени в современной медийной среде: риски трансформации, стратегии конструирования, дискурсивные практики» № 20-011-00297.

Статья посвящена репрезентации категории «время» в объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана и Б. Латура. Время исследуется в контексте понятия «weird», введенного Г. Харманом. Позиционирование времени как негетогенного и неединичного, странного, восходит к акторно-сетевой теории Б. Латура, который постулировал множественность темпоральных режимов. Опыт странного времени позволяет очертить новые горизонты темпоральной мифологизации.

Ключевые слова: мифологизация времени, странное время, объектно-ориентированная онтология, Г. Харман, Б. Латур

Категория времени относится к одной из самых устойчивых онтологических концептуальных конструкций философии. В качестве атрибута материи время устанавливает непреодолимую необратимость человеческого бытия, задает его неизбежную конечность, экзистенциально переживаемую как негативный предел человеческой судьбы. Течение времени, его однонаправленность и одномерность до сих пор относятся к нерешенным проблемам физики времени. Однако современная картина мира, прошедшая искушение тотальными философскими кризисами и постмодернистскими играми, подвергает сомнению незыблемость темпоральных представлений. Цифровая цивилизация, оторванная от ритмов природы, замахивающаяся на проекты человеческой автоэволюции, растворяющая древовидную логику рассуждений и институтов в нелинейных сетях, метафорах и рекурсиях, не обходит стороной время. Она делает его *странным*. В рамках данной статьи мы рассмотрим «странность» времени в концепциях Хармана и Латура как основу новых стратегий мифологизации времени.

В русском языке прилагательным «странный» описывают явления и события, способные вызывать удивление. В этом значении странным оказывается то, что выходит за привычные рамки последовательностей, что привлекает внимание и оказывается трудно объяснимым. Интересующее нас английское прилагательное «weird» относится к семантическому полю модальности странности и обозначает странное в значении таинственного, потустороннего, фатального. Концепциям спекулятивного реализма оно де факто предзадано: за три дня до известного воркшопа Альберто Тоскано в Голдсмитском университете Лондона, положившего начало истории течения, там же состоялся уникальный однодневный симпозиум Центра культурных исследований «Странный реализм: Лавкрафт и теория» с участием Грэма Хармана. Это мероприятие имело нестандартный по академическим меркам

формат и концентрировалось вокруг обсуждения пяти рассказов Лавкрафта, странные (strange) вымышленные системы были заявлены в качестве первой темы обсуждения.

В контексте нашего анализа особое значение имеет следующее примечание переводчика П.А. Хановой к тексту Г. Хармана «Ужас феноменологии: Лавкрафт и Гуссерль»: «Английское слово, на наш взгляд, должно быть включено в список непереводаемых философских терминов наряду с *Dasein*, *differánce* и другими, так как ни один из предлагаемых русских переводов – «странный», «жуткий», «сверхъестественный» и др. – не несет необходимых коннотаций. Слово *weird* маркирует один из ключевых ходов объектно-ориентированной онтологии, отчасти сближающийся с фрейдовским *unheimlich*» [1. С. 179]. Для разяснения концептуальной роли понятия *weird* П.А. Ханова предлагает заметку Марка Фишера, посвященную симпозиуму «Странный реализм: Лавкрафт и теория». Фишер подчеркивает, что наиболее актуальной задачей анализа влияния Лавкрафта на теоретическую мысль является формулирование жизнеспособного определения странности (The Weird) [2]. Странное у Лавкрафта заключается в противостоянии фантастическому, в котором оно разыгрывает тему конфликта нашего мира и других Миров. Конфликт в этом случае оказывается формой коммуникации, проникновения и прорыва, а значит, взаимодействия. Решение поставленной задачи требует учета лавкрафтовского понимания структуры собственных рассказов о сверхъестественном, которое сам Лавкрафт формулирует следующим образом: «...одно из моих наиболее сильных и стойких стремлений – ежеминутно достигать иллюзии некоторой необычной приостановки действия или нарушения раздражающих ограничений времени, пространства и законов природы, которые все время лишают нас свободы и пресекают наш интерес к бесконечным космическим пространствам вне поля нашего зрения и вне нашей способности к анализу» [3]. Таким образом, невозможное у Лавкрафта прорывается в обыденный, освоенный, нормальный пространственно-временной континуум так, что время трансформируется, а пространство остается прежним. Странный реализм Лавкрафта меняет человекообразные масштабы мира повседневности, заставляя его мерцать и съезживаться на контрастном фоне взаимодействия с монструозными космическими формами именно за счет временных перверсий.

Жуткое (*unheimlich*) у Фрейда близко к лавкрафтовскому странному реализму в том смысле, что оно не инородно реальности, «жуткое – это скрытое, привычное, претерпевшее вытеснение и вновь из него возвернувшееся», материалом для которого стали повторения, нарушения заведенного порядка, проявление живого в неживом и наоборот. Хотя последнее обычно трактуется как переход к хайдеггеровскому зловещему ужасу, сопровождающему угрозу вторжения Ничто в Бытие (например, [4]), в нем также можно обнаружить темпоральные аспекты, связанные с нарушением жизненного цикла, т.е. подрыв порядка мены Жизни и Смерти. Оторванность от родного, уютного, близкого, противопоставленность ему, заложенное Фрейдом в понятие *unheimlich*, весьма созвучно лавкрафтовскому *wierd* как странному реализму, в котором реальность достоверна, но она вдруг стала чужой и враждебной.

Так понятая странность является одним из ключевых концептов в феноменологии Г. Хармана, которую он называет странной потому, что она спо-

собна схватывать «weird напряжение в самих феноменах, неизменно пребывающих в напряженном отторжении от своих качеств» [1. С. 200].

Более того, Харман использует инициированное лавкрафтовскими штудиями понятие «странный реализм» для раскрытия миссии философии, которая вопреки здравому смыслу должна удерживать в фокусе одновременно реалистичность и странность реальности. В его онтологии понятие *weird* является ключевым для описания объекта: «...моя главная мысль состоит в том, что объект и странность [weirdness] идут рука об руку» [Там же. С. 188], поскольку объект и все его качества принципиально разнесены по разным полюсам, объект постоянно выходит за рамки приписываемых ему качеств и ускользает от притягивающего его своим вниманием наблюдателя. Отношения между вещью и ее поверхностью конфликтны, они описываются в метафорах неровностей, перебоев, зазоров, не выходящих за рамки человеческой конечности, но изматывающих, выкручивающих и трагически изнемогающих ее. Непрерывное отторжение феноменов от своих качеств и делает странность фундаментальным основанием хармановской онтологии.

Модифицируя хайдеггеровскую четверицу в схему четвероякого объекта, Харман структурирует его во взаимодействие реального объекта, чувственного объекта, реальных качеств и чувственных качеств. Поскольку объекты пребывают во времени, они инкрустируются сменяющимися чертами, которые тем не менее воспринимаются нами как относительно устойчивые. Время образовано напряжением между чувственным объектом и чувственным качеством: «время – это имя этому напряжению между чувственными объектами и их чувственными качествами» [5. С. 100], тогда как пространство – напряжение между сокрытыми реальными объектами и их чувственными качествами. Новое сцепление пространства и времени включено в четвероякое напряжение сил бытия объекта, способное заканчиваться расщеплением или сплавлением, порождающими ломанные связи. Время, таким образом, оказывается лишь модусом странности бытия объекта. Поэтому любое время странно изначально, и это практически все, что можно о нем сказать, опираясь на взгляды Хармана. Странность времени обнаруживается тогда, когда вторжение иномирного лавкрафтовского ужаса обнажает натяжения в структуре четвероякого объекта, делает очевидными пульсацию и рябь его внутренних отношений, которые в штатной повседневности вынесены за скобки экономией мышления и в итоге проигнорированы познающим субъектом. Странные композиционные объекты хармановской феноменологии укоренены в тотально странном времени, и эта странность статична.

Может ли странность быть динамичной, и если да, то что она дает для понимания времени? Динамику может задать позиционирование времени как негомогенного, разного и неединичного. Такую идею множественности режимов времени мы обнаруживаем в акторно-сетевой теории Бруно Латура, которую сам Харман предпочитает считать существенным вкладом в объектно-ориентированную онтологию, поскольку, наряду с теорией ассамбляжа Деланда, она отсылает «к большим объединениям объектов, взаимодействующих, даже будучи делимыми от соединений, в которых они участвуют» [6. С. 3]. Строго говоря, усилия, затраченные Харманом на вписывание взглядов Латура в проект спекулятивного реализма, отличаются креативностью и интеллектуальной изысканностью, доходящими до авантюризма, и

заслуживают отдельного рассмотрения. Тем не менее, благодаря усилиям Хармана, нам придется перекраивать хронологию рассмотрения развития объектно-ориентированной онтологии в ретроактивном ключе: в соответствии с логикой странности благодаря хармановской рефлексии темпоральные идеи Латура получают ретроактивный статус, обретая свой смысл после интерпретирующих их работ Хармана, которым они предшествовали.

Латурнианская онтология фокусируется на нечеловеках, стремясь к достижениям философии массы. Ее задача – используя конструкт актанта, вернуть в социальную теорию *недостающую массу*, нечеловеческую по своей природе. В статусе актанта она уравнивает людей и нечеловеков, инженеров и артефакты, но ее непросто поставить в один ряд с плоскими онтологиями. Как показывает В.Н. Кудба, есть достаточно оснований для *pro et contra* по этому вопросу [7]. Действительно, сети Латура топологичны и многомерны (число измерений зависит от числа узлов), а актантом может быть все что угодно.

Тем не менее, отметим в качестве принципиальной для включения творчества Латура в предметное поле объектно-ориентированных онтологий позицию Хармана, тезисно резюмирующего онтологию Латура: «...мир сделан из акторов всех типов и размеров. Человеческий субъект или *Dasein* – акторы, но акторами являются также свечи, звезды, газеты, экспрессы и боги. Все, что так или иначе существует, является актором. Это не просто изолированные сгустки вещества – они ведут переговоры между собой в сетях. Актор неотделим от своих качеств и не „переживает приключения во времени и пространстве“» [6. С. 22]. В этом прочтении онтология Латура является объектно-ориентированной, но у нее есть одна специфическая черта. А именно, в их латурнианской онтологии никогда не уходит *человеческий свидетель*.

Харман акцентирует это обстоятельство: «Но говорит ли Латур о двух неодушевленных акторах, взаимодействующих без участия человеческого свидетеля? Хотя в его работах можно найти ресурсы для такого анализа, я не припомню, чтобы он где-либо предпринимал его» [Там же. С. 24]. На наш взгляд, Латур весьма активно встраивает человеческий голос в свою концепцию, но делает это на имплицитном уровне, чтобы не заглушать голос нечеловеков. Он работает не только с категориальными рядами, он превращает в инструмент свой собственный стиль, позволяющий ему использовать текст как затейливо подготовленную сцену для появления голосов разных человеческих свидетелей. Подробный анализ метаморфоз альтер-эго Латура («Латур» и «технолог») в процессе эволюции латуровских текстов осуществлен А.Г. Кузнецовым в статье «Латур и его „технолог“: вещи, объекты и технологии в акторно-сетевой теории» [8]. И хотя задача Латура – дать голос нечеловекам, исходя из того, что «различия между людьми и не-человеками, воплощенными и развоплощенными навыками, персонификацией и „механизацией“ являются менее интересными, чем вся цепочка, по которой распределяются компетенции и действия» [9], люди в его онтологии вполне рельефны. Их атрибутами являются слабость, непрочность, недисциплинированность и неосторожность. И главное отличие: вещи в латурнианской онтологии недостаточно самостоятельны, чтобы говорить. Именно поэтому они пока не пишут трактатов по философии времени. Это занятие даже для Латура все еще предполагает в первую очередь *человеческую* работу.

Рассмотрим темпоральный хор Латура подробнее. В фокусе темпоральной аналитики Латура находится труд, затрачиваемый на изготовление пространств и времен. Согласно его позиции, изящно развернутой в медитации о времени «Trains of thought: Piaget, formalism, and the fifth dimension», разные системы актантов производят разные пространства и времена. Утверждая, что «наука не забирает время из мира, она добавляет много пространств и времен к миру, постоянно изменяя масштабы, длины и единицы измерения в таких странных местах, как лаборатория, институт и архив, совершенно отличных от „разума“» [10. Р. 184], Латур отвергает идею об универсальности времени как априорной кантовской форме. Изохронное время и изотопное пространство, заключенные в познающем разуме, для него отнюдь не являются нормальными чертами мира. Время, как и пространство, в его онтологии *изготавливается*. Изготовление времени – роль, выполняемая системой актантов, людей и нечеловеков, в которой отчет о времени все равно остается человеческой привилегией.

Исходя из тезиса о множественности пространств и времен посредством труда, в случае, когда речь идет об их фабрикации, Латур показывает, что создание технических комплексов, облегчающих перемещение в пространстве, снижает очевидность воздействия времени на тела. Он отталкивается от примера, восходящего к парадоксу близнецов в специальной теории относительности (СТО). В парадоксе СТО близнецы становятся внешними наблюдателями для другой инерциальной системы отсчета: один из братьев-близнецов отправляется в космический полет, его время замедляется для внешнего наблюдателя, другой остается на Земле, его время ускоряется для внешнего наблюдателя, при этом обе системы отсчета равноправны (парадокс состоит в том, что часы путешественника в итоге отстанут от часов землянина). Пример Латура также включает двух близнецов, мужчины и женщины. Мужчина едет в комфортабельном скоростном поезде, женщина, занимающаяся геодезическими исследованиями, прорубается через джунгли, чтобы обеспечить прокладку рельсов для скоростного поезда. Поездка мужчины приятна и скучновата, путь женщины тяжел и изнурителен. Джунгли оставляют следы на ее теле, путь дается ей ценой предельных физических усилий. Таким образом, Латур показывает, что характер транспортировки прямо влияет на восприятие / переживание времени: деформация транспортирующегося тела меняет время для него, поскольку пространство и время являются мерами друг для друга. Там, где транспортировка не вызывает деформации, время отрывается от пространства и тем самым замедляется, начинает выполнять роль неизменной системы координат и нивелирует процессуальность. В итоге ключом ко времени оказывается *интенсивность*, этот термин Латур вводит, чтобы иметь возможность не использовать понятия «темпорализация», «пространственность», «актантиализация». Интенсивность позволяет фиксировать во временных последовательностях наличие или отсутствие событий, иначе говоря, судить о том, были ли эти последовательности историческими (в гуссерлевском смысле) или нет.

Интенсивность зависит от движения и расстояния. Перемещаясь в пространстве, мы видим все новые объекты и соотносим эту панораму с изменениями, которые происходят в нас самих (усталость, голод, старение и т.п.). Но что произошло бы, если бы мы могли перемещаться во времени? Мы бы

увидели, как создается пространство, создается усилиями самых разных актантов, от движения тектонических плит до усилий строителей и инженеров, все то, что Латур именует «напластованием актантов», перемешиванием их континуумов. Техника и технологии превращают локусы в посредников, увеличивая скорость их прохождения. Там, где раньше нам пришлось бы прорубаться сквозь скалы и джунгли, сегодня мы используем транспортные сети, воспринимая их как должное и исключая условность их существования из своей картины мира.

Однако работа посредников не остается абсолютно непрозрачной, она обнаруживается в разломах сбоев. Мы знаем, что нормальность прохождения по транспортным сетям зависит от социальных событий – забастовка может остановить поезд, невозможность поддерживать систему в условиях природных катастроф также обнаруживает условия ее функционирования.

С.С. Астахов, анализируя эволюцию конструирования дихотомии времени и пространства в латурнианской акторно-сетевой теории, показывает, что женщина-близнец нужна Латуру для введения концепта тропы, прорубаемой в не-сетевом пространстве, которую позднее Латур назовет плазмой [11. С. 77]. «Тропа – это промежуточное состояние между областью не- сетевого и сетью, прото-сеть, возникающая из хаоса сопротивлений. Именно тропам в АСТ приписывается недифференцированная процессуальность» [Там же], тогда как дифференцированная процессуальность характерна для сетей актантов-нечеловеков. Автор приходит к выводу, что различные виды процессуальности у Латура не могут быть рассмотрены, как производные, все, что можно сказать об их отношениях, – констатировать их неопределенность. Показывая развитие пространственно-временного сюжета в разных работах Латура, С.С. Астахов объясняет ее попыткой философа связать воедино три используемых им образа времени – семиотического, онтологического и материального, сохранив методологическую эффективность лежащего в их основе принципе симметрии. Тем самым Латур должен модифицировать свою модель времени, выйдя за рамки онтологически изолированной сети, где время всегда есть результат переговоров актантов об обратимости исторического порядка. Модифицировать таким образом, чтобы, сохраняя тезис о ретроактивности времени (всегда ли существовали микробы? Всегда после 1864 г.), вывести движение времени из слепого пятна. Однако итогом стали а) напряженность между базовыми образами пространства-времени; б) сочетание сильной концепции пространства и слабой концепции времени; в) промежуточное положение пространственных и временных категорий между полноценными актантами и очищенными субъектами и объектами [Там же. С. 81].

Странность латуровской модели времени, с точки зрения С.С. Астахова, связана с недостаточностью проясненностью в ней дихотомии времени-пространства, которая предстает как «странная, не вполне проясненная оппозиция в акторно-сетевой теории: с одной стороны, места и мгновения рассматриваются как нередуцируемые, с другой – Б. Латур постоянно заявляет об их производности по отношению к взаимодействиям актантов» [Там же. С. 59]. Но является ли странность латуровского времени однозначно методологической особенностью его проекта? Не идет ли речь о странности онтологической, в которой разные режимы времени, заданные расслоением сетей,

троп и плазмы, мерцают и переплетаются по мере погружения индивида в глубины социального пространства?

Если хармановская онтология не знает различения природы объектов, то для латурнианской онтологии разграничение природы людей и нечеловеков, как мы видели, принципиально. В плоской онтологии объекты низшего и высшего порядков отнюдь не разграничиваются с точки зрения иерархичности, поскольку объектно-ориентированная онтология призвана нам показать «бесконечно глубокий мир, в котором каждый объект более высокого уровня сложен из объектов более низкого уровня» [12. С. 317]. Однако единство различных времен в слабой концепции времени Латура задано позицией человеческого свидетеля, которая выступает связующим звеном для динамичной системы сетей, троп и плазмы. Перемещаясь по слоям системы, человеческий свидетель воспринимает контраст каждого нового режима времени на основе предыдущего опыта, и именно сравнение становится основой модуса странности.

Наш анализ темпорального измерения двух версий объектно-ориентированной онтологии, вырастающих из пространственных структур, разворачивающихся, в первую очередь, в пространстве, дает два основания обнаружения модуса странности времени.

Хармановское основание завязано на физической онтологии времени, лежащей в основе восприятия человеком физического течения времени. В психологическом ракурсе, на уровне индивида, странное время предполагает изменение в восприятии времени, когда оно переживается как растянутое или сжатое независимо от астрономического отрезка. Такое состояние в психологии получило название дисторсии, связывается оно с особыми эмоциональными состояниями, стрессом, сном, психологическими травмами и психиатрическими заболеваниями. Физиологические основы переживания времени И.М. Сеченов связывал с минимумом реальных представлений, лежащих в основе общего (абстрактного) понятия времени. К ним он относил звук и мышечное ощущение (характерное и для работы глаза), которые дают человеку представление о времени, притом не всем своим содержанием, а лишь одной стороной: тягучестью звука и тягучестью мышечного чувства; именно отделение тягучести от конкретных представлений движения и времен года формирует понятие времени [13]. Состояния изменения сознания (независимо от их этиологии) отражаются на фиксации темпоральных структур индивидом, накопление такого опыта чревато размытием структур личности, поскольку ее единство формируется памятью, последовательно укладывающей во времени информацию о модификации мировосприятия и мировоззрения.

Отметим, что зазор между восприятием времени и самосознанием онтологически укоренен в человеческом сознании, благодаря которому индивид не совпадает со своим бытием, отделен от настоящего, устремляясь в будущее и приковываясь к прошлому. В случае каждого конкретного человека этот зазор уникален, формально он определен дистанцией между наблюдателем и наблюдаемым, содержательно – неповторимостью первого и второго. Здесь возможна перекличка хармановской временной странности и концепта странности в онтологической этике В. Бибихина: «мир и есть, подобно одинокому и не принятому другими странному человеку, такая отдельная от всего странность. Мир есть как «зазор», просвет «между», созданный (или со-

здавший) видением-пониманием, таким же отдельным, как и он сам. Странно, что есть мир и тот, кто в нем себя находит, странно – само пространство этого самонахождения» [14]. Временная дисторсия является фундаментом лавкрафтовско-хармановской стратегии обнажения времени, стремящейся к фиксации разломов и контактов между чужеродными мирами.

Латурнианское основание связано с социальной онтологией времени. Отметим, что именно применение понятия «странный» на уровне социальных общностей к периоду или эпохе вызвало к жизни понятие исторического времени. Летописцы фиксировали в летописях необычные события, не считая необходимым отмечать то, что повторяется из года в год и характерно для нормальной рутины. Историческое событие – это не просто то, что происходит, но то, что также удивляет [15. С. 1273–1274]. Уникальность исторических событий до сих пор является непреодоленным вызовом для методологии истории, в которой после почти трехсотлетнего периода поисков исторических закономерностей представления о том, что история представляет собой череду экстраординарных (и нередко случайных) событий, похоже, становятся доминирующим трендом.

События возводятся в ранг исторических задним числом, даже когда они даны индивидам в ощущениях как непосредственно происходящее участникам, для их оценки принципиальны последствия, отстоящие от событий, вынесенные в будущее. Включение в контекст последствий является важнейшим элементом оформления исторических событий: «уникальные последствия позволяют разделить темпоральность на «до» и «после» или выступают как источник новой темпоральной линии. Благодаря уникальности и непредсказуемым последствиям событие оказывается способом измерения социального времени» [Там же. С. 1278]. Поэтому история всегда происходит «как бы» не с нами.

Но странность истории традиционно связывается не столько с ее запаздыванием, сколько с гетерогенностью событий. События приходят к нам из других слоев социального пространства, когда, на языке Латура, сети вторгаются друг в друга. Станным временем оказывается период, в котором нарастают плотность и масштаб удивительных событий, интерпретировать причины которых, опираясь на наличный социальный опыт, невозможно. В итоге историческая память адаптируется к условиям перемещения по разным слоям режимов времени.

Таким образом, закладываются два основания обнаружения модуса странности времени, в которых отстранение от наличного физического и исторического времени в условиях взаимодействия со странными сетевыми объектами дает новый темпоральный опыт. Последний существенно отличается от содержания предшествовавших моделей времени, начиная от архаической мифологии и заканчивая современной физикой. В этом качестве он не только определяет новые стратегии осмысления времени, но формирует широкое поле для его мифологизации, в котором может быть модифицирована современная историческая память.

Литература

1. Харман Г. Ужас феноменологии: Лавкрафт и Гуссерль // Логос. 2019. № 5. С. 177–200.
2. Fisher M. Lovecraft and the Weird: Part I. URL: <http://k-punk.abstractdynamics.org/archives/009329.html> (accessed: 23.11.2020).

3. Лавкрафт Г. Заметки о написании фантастических историй. URL: <https://darkfiction.ru/page/g-f-lavkraft-zametki-o-napisanii-fantasticheskikh-istorij-vpervye-na-russkom> (дата обращения: 23.11.2020).

4. Чеснокова Л.В. Феномен жуткого: опыт философской рефлексии Фрейда и Хайдеггера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2016. № 4–1 (66). С. 214–218.

5. Харман Г. Четверойкий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозов и О. Мышкин. Пермь : Гиле Пресс, 2015. 152 с.

6. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. Т. 27, № 3 (118). С. 1–34.

7. Кудба В.Н. Онтология Бруно Латура // Философские и социологические науки. 2018. № 8. С. 40–42. DOI: 10.32415/jscentia.2018.08.10

8. Кузнецов А.Г. Латур и его «технолог»: вещи, объекты и технологии в акторно-сетевой теории // Социология власти. 2015. Т. 27, № 1. С. 55–89.

9. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Неприкосновенный запас. 2004. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/gde-nedostayushhaya-massa.html> (дата обращения: 19.01.2021).

10. Latour B. Trains of thought: Piaget, formalism, and the fifth dimension // Common Knowledge Winter. 1997. Vol. 6, № 3. P. 170–191.

11. Астахов С.С. Странная дихотомия: пространство и время в акторно-сетевой теории // Социология власти. 2017. Т. 29, № 1. С. 59–87.

12. Кралечкин Д. О сургуче и капусте // Логос. 2014. № 4 (100). С. 293–318.

13. Меграбян А.А. Дегерсонализация. Ереван : Армян. гос. изд-во, 1962. 355 с. URL: <http://www.psychiatry.ru/lib/1/book/57/chapter/30> (дата обращения: 23.11.2020).

14. Бабанов А.В. Онтологическая этика В.В. Библихина // Философия и культура. 2019. № 11. С. 65–79. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.11.31261. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31261 (дата обращения: 24.01.2021).

15. Головашина О.В. Социальное событие как способ измерения времени // HISTORIA PROVINCIAE. Журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 4. С. 1269–1295. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-4-6

Sophia V. Tikhonova, Saratov State University (Saratov, Russian Federation).

E-mail: segedasv@yandex.ru

Denis S. Artamonov, Saratov State University (Saratov, Russian Federation).

E-mail: artamonovds@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 43–52.

DOI: 10.17223/1998863X/63/5

WEIRD TIME IN OBJECT-ORIENTED ONTOLOGY: HARMAN AND LATOUR

Keywords: mythologization of time; weird time; object-oriented ontology; Graham Harman; Bruno Latour

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00297.

The article aims to analyze the concept of time in object-oriented ontology based on the concept of the weird. The authors consider this term significant for understanding the formation of speculative realism as a philosophical trend that justifies the models of flat ontologies. Showing the influence of the concept of the weird in Lovecraft's work on the weird phenomenology of Graham Harman, the authors expand the understanding of the role of this concept in Harman's model of a quadruple object, which describes, among other things, space-time relations. According to the authors, the weird compositional objects of Harman's phenomenology are rooted in a totally weird time, and this weirdness is static. The authors find a dynamic concept of the weirdness of time in Bruno Latour's ideas about the multiplicity of modes of space and time. The authors consider Latour's views retroactively, correlating them with Harman's efforts to include Latour's actor-network ontology in the discursive field of object-oriented ontology. In this capacity, Latour's ontology, operating with flat objects, does not exclude the presence of a human witness, although it does not emphasize it. Latour's temporal analysis emphasizes the importance of labor expended in the production of spaces and times. Actants, humans and non-humans, are busy making time. People suffer more from time, but they are the ones who produce the report on it. The example of twins, which goes back to the SRT paradox, allows Latour to demonstrate a reduction in the evidence of the impact of time on bodies by creating

technical complexes that facilitate movement in space. The development of a model for the interaction of paths, networks, and plasma allows Latour to deduce time from the blind spot of the actor-network theory. The authors believe that the unity of different times in Latour's weak concept of time is determined by the position of the human witness, which acts as a link for the dynamic system of networks, paths, and plasma. Moving through the layers of the system, the human witness perceives the contrast of each new mode of time based on previous experience, and it is the comparison that becomes the basis of the mode of the weird. The authors conclude that Harman's weird time is related to the perception of the physical ontology of time. It works when time distortion exposes the weirdness of time, fixing the rifts and contacts between alien worlds. Latour's weird time is related to the social ontology of time. It works when networks invade each other, skipping heterogeneous events. Weird time is a period of increasing density and scale of incredible events. Their interpretation requires going beyond the existing social experience. As a result, historical memory adapts to the conditions of moving through different layers of time modes. Thus, a new field of mythologization of memory develops, modifying modern historical memory.

References

1. Harman, G. (2019) Uzhas fenomenologii: Lavkraft i Gusserl' [On the horror of phenomenology: Lovecraft and Husserl]. *Logos*. 5. pp. 177–200.
2. Fisher, M. (n.d.) *Lovecraft and the Weird*. Part I. [Online] Available from: <http://k-punk.abstractdynamics.org/archives/009329.html> (Accessed: 23rd November 2020).
3. Lovecraft, G. (n.d.) *Zametki o napisanii fantasticheskikh istoriy* [Notes on writing fantastic stories]. [Online] Available from: <https://darkfiction.ru/page/g-f-lavkraft-zametki-o-napisanii-fantasticheskikh-istorij-vpervye-na-russkom> (Accessed: 23rd November 2020).
4. Chesnokova, L.V. (2016) Phenomenon of uncanny: experience of philosophical reflection by Freud and Heidegger. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvo-vedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 66(4-1). (In Russian).
5. Harman, G. (2015) *Cheveroyakiy ob'ekt: Metafizika veshchey posle Khaydeggera* [The Quadruple Object. Metaphysics of Things after Heidegger]. Translated from English by A. Morozov, O. Myshkin. Perm: Gile Press.
6. Harman, G. (2017) Networks and assemblages the rebirth of things in Latour and DeLanda. *Logos*. 27(3). pp. 1–34. (In Russian).
7. Kudba, V.N. (2018) Ontologiya Bruno Latura [The ontology of Bruno Latour]. *Filosofskie i sotsiologicheskie nauki*. 8. pp. 40–42. DOI: 10.32415/jscentia.2018.08.10
8. Kuznetsov, A.G. (2015) Latur i ego "tekhnolog": veshchi, ob'ekty i tekhnologii v aktorno-setevoy teorii [Latour and his "technologist": things, objects and technologies in the actor-network theory]. *Sociologiya vlasti – Sociology of Power*. 27(1). pp. 55–89.
9. Latour, B. (2004) Gde nedostayushchaya massa? Sotsiologiya odnoy dveri [Where is the missing mass? Sociology of one door]. *Neprikosnovennyy zapas*. 2. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/gde-nedostayushchaya-massa.html> (Accessed: 19th January 2021). (In Russian).
10. Latour, B. (1997) Trains of thought: Piaget, formalism, and the fifth dimension. *Common Knowledge*. 6(3). pp. 170–191.
11. Astakhov, S.S. (2017) Strannaya dikhotomiya: prostranstvo i vremya v aktorno-setevoy teorii [Strange dichotomy: space and time in the actor-network theory]. *Sociologiya vlasti – Sociology of Power*. 29(1). pp. 59–87.
12. Kralechkin, D. (2014) O surguche i kapuste [About sealing wax and cabbage]. *Logos*. 4(100). pp. 293–318.
13. Megrabyan, A.A. (1962) *Depersonalizatsiya* [Depersonalization]. Erevan: Armenian State Publishing House. [Online] Available from: <http://www.psychiatry.ru/lib/1/book/57/chapter/30> (Accessed: 23rd November 2020).
14. Babanov, A.V. (2019) Ontological ethics of V.V. Bibikhin. *Filosofiya i kultura – Philosophy and Culture*. 11. pp. 65–79. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0757.2019.11.31261
15. Golovashina, O.V. (2019) Social event as a way of measuring time. *HISTORIA PROVINCIAE. Zhurnal regional'noy istorii – HISTORIA PROVINCIAE-Journal of Regional History*. 3(4). pp. 1269–295. (In Russian). DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-4-6